

М. А. Дроздова

МАРИЯ ЮДИНА Религиозная судьба

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2016

УДК 242
ББК 86 372
Д 75

*Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р15-514-0695*

Дроздова М. А.

Д 75 Мария Юдина: Религиозная судьба. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. — 272 с., ил.

Книга «Мария Юдина. Религиозная судьба» рассказывает историю жизни и духовного становления выдающегося музыканта-исполнителя Марии Вениаминовны Юдиной. Во времена безбожия Мария Юдина бесстрашно исповедовала веру. Ни угроза расстрела, ни исключение из консерватории, ни лишение возможности выступать с концертами — ничего не могло ее остановить. Она видела свое призвание в том, чтобы нести в мир правду Божию, говорить о Божественной любви и красоте. Впервые читатель откроет религиозный мир Марии Юдиной, узнает о пути, на котором силою благодати Божией совершается спасение человека для вечности.

Автор М. А. Дроздова — ученица и продолжательница творческих традиций М. В. Юдиной, свидетель ежедневных ее трудов и подвигов — с любовью повествует о человеке, основу мировоззрения которого составляла вера в Бога.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

Настоящая книга оснащена qr-кодами, где хранятся фрагменты звукозаписей. Для того чтобы услышать музыку, нужно сканировать qr-код с телефона и перейти по ссылке.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2016
© Дроздова М. А., текст, 2016

ISBN 978-5-88017-486-7

Памяти А. М. Кузнецова

ОТ АВТОРА

В основе предлагаемой вниманию читателей книги о выдающемся музыканте-исполнителе, удивительном человеке, «истово-религиозной христианке» Марии Вениаминовне Юдиной — тексты из ее богатейшей переписки, воспоминаний о многих и многих людях, статей о музыке. На этих страницах звучит голос самой Марии Вениаминовны в живом диалоге с теми, кто был рядом, с кем она спорила, у кого училась, с кем прошла по жизни.

Автор стремилась к тому, чтобы жизнь Марии Вениаминовны, трудная, необычайно интересная, богатая событиями трагическими, драматическими и радостными, жизнь, пронизанная «лучами Божественной любви», предстала перед читателем в возможно более подлинном, не искаженном временем и позднейшими интерпретациями, нередко и кривотолками, виде.

Получив бесценный дар — веру в Бога, открыв свое призвание, Мария Вениаминовна всю жизнь стремилась вырасти в полную меру этого призвания. «Нужно стать равным самому себе», — записывала она в юношеском дневнике. Понимала ли она, что достичь этого возможно только «став, по слову Апостола, сотрудниками Божиими, возложив на себя вместе с Ним одно иго»¹?

Могла ли юная Маруся предвидеть, сколь неподъемно труден путь духовного возрастания, с какими искушениями, противостоять которым она не всегда была в силах, придется встретиться ей в жизни? Мария Вениаминовна была, как и все мы, человеком со своими достоинствами и недостатками, но человеком гениальным. Еще в ранней юности она поняла, что «так жить, как Он (Христос), нельзя, ибо ведь мы — люди. Мы должны следовать Его словам о нашей жизни, а приобщение к Нему нам дано — в Таинстве Евхаристии»². Мария Вениаминовна шла путем веры, не теряя любви к Богу и людям, переполненная всемирным чувством «круговой поруки всего человечества»³.

ПРОПОВЕДЬ МУЗЫКОЙ

Мария Вениаминовна Юдина — личность легендарная: и как музыкант, пребывавший в состоянии почти непрерывного подвига, и как истово-религиозная христианка с пламенеющим о Боге сердцем.

МИТРОПОЛИТ МИНСКИЙ И СЛУЦКИЙ
ФИЛАРЕТ

Я знаю лишь один путь к Богу: через искусство... Я не утверждаю, что мой путь универсальный, я знаю, что есть и другие дороги. Но чувствую, что мне доступен лишь этот; все Божественное, духовное впервые явилось мне через искусство, через одну ветвь его — музыку⁴.

Этими удивительными словами открывается дневник семнадцатилетней девушки Маруси Юдиной, начатый 30 августа 1916 года в родном городе Невеле. Она — в самом начале своего духовного пути. Пути, который с такой ясностью предстал перед ее внутренним взором и которым она, невзирая на жесткое противостояние эпохи, шла до конца своих дней. Столь рано сделанный выбор — удел немногих! Музыка и Бог, Бог и музыка. «Это мое призвание! — продолжает она. — Я верю в него и в силу свою в нем. Я должна вечно и неизменно идти по пути духовных созерцаний, собирать себя для просветления, которое придет однажды. В этом смысл моей жизни здесь; я — звено в цепи искусства»⁵.

Маруся Юдина не ошиблась в выборе призвания. Читая Невельский дневник, мы видим, что уже в юные годы среди всех искусств музыку она ставила на самую высокую ступень: ведь именно музыка открыла ей Бога. Юдина осознавала, что через музыку, через свое исполнительское искусство она должна нести людям обретенную ею красоту как высшую, Божественную реальность.

«Вы спасетесь через музыку»⁶ — эти поистине провидческие слова скажет ей известный московский священник и проповедник протоиерей Николай Голубцов.

Марии Юдиной действительно суждено было стать великим музыкантом, одним из столпов мирового исполнительства, обогатившим сокровищницу фортепианного искусства своими несравненными интерпретациями сочинений И.-С. Баха, Л.-ван Бетховена и А. Моцарта, И. Брамса и Р. Шумана, М. П. Мусоргского, Д. Д. Шостаковича, И. Ф. Стравинского, П. Хиндемита и Б. Бартока. Сразу же надо подчеркнуть, что и среди великих представителей исполнительского искусства, таких как Сергей Рахманинов, Владимир Горовиц, Артуро-Бенедетти Микеланджело, Святослав Рихтер, Эмиль Гилельс, Мария Гринберг и многие другие, Мария Вениаминовна Юдина занимает особое, по-своему уникальное, место. И дело, разумеется, совсем не в том, кто выше, кто лучше — каждый из них велик и каждый неповторим. Как сказал Иосиф Бродский, «на таких высотах иерархии нет»⁷. Юдиной, как никому другому, каким-то непостижимым образом удавалось переплавить в звуки исполняемой ею музыки весь свой жизненный опыт, все свои размышления и духовно-религиозные поиски. Для нее не существовало границ между музыкой и литературой, музыкой и изобразительным искусством, музыкой и философией и — что мне кажется особенно редким и важным — музыкой и реальной жизнью, со всей ее неизбежной прозой (к этому мы еще не раз вернемся). Она умела обобщить все понятое и пережитое и, «идя от жизни, свою мысль», вложенную в великие музыкальные творения, «откристаллизовать в такие целостные формы», чтобы они адекватно выражали «суть и смысл современности»⁸.

Художник, страстно искавший синтеза, она была убеждена, что пространство мировой культуры представляет собой единый «духовный универсум». Думается, что момент осознания этого и следует считать подлинным рождением Марии Юдиной как выдающегося музыканта, музыканта от Бога, которому предстояло внести новое содержание в фортепианное исполнительство, неслыханно

расширив его функции и задав грандиозный масштаб для будущих поколений.

Деятельность музыканта-исполнителя открывала перед Юдиной обширнейшие возможности: она могла играть необозримое количество дивных творений в своих сольных концертах, музицировать с певцами, что обожала с ранних лет, участвовать в инструментальных ансамблях, когда «искусство пронизывает всех и всем радостно в нем вместе быть»⁹. Когда ей стало тесно в рамках чистого исполнительства, Мария Вениаминовна стала сопровождать свои концерты кратким обращением к публике, читая стихи Бориса Пастернака и других любимых ею поэтов, делясь некоторыми сокровенными мыслями. В этом, несомненно, проявлялась ее открытость, ее обращенность к людям, ее стремление к соборности в самом широком понимании этого слова.

Юдина намного опережала время, что и было причиной вечного конфликта с действительностью. Ее музыкальное мышление не отставало от мышления композиторов — авангардистов, первооткрывателей, таких как А. Шенберг, А. Берг, К. Штокгаузен, Д. Шостакович, А. Шнитке, Э. Денисов и другие. Новые явления в искусстве — и особенно в музыке — как будто бы уже предчувствовались ею, жили в ней. Поэтому все вызывало жгучий интерес, жадное любопытство и немедленный отклик в ее душе. Возникло желание как можно скорее познакомиться с новым сочинением русскую публику. Мария Вениаминовна почитала своим святым долгом «осовременить русское искусство»¹⁰, — так писала она балетмейстеру К. Я. Голейзовскому. Преодолевая, казалось бы, совершенно непреодолимые препятствия, «на любом полустанке» она готова была исполнять сочинения новых авторов. Ей принадлежит заслуга первых исполнений многих сочинений как русских, так и западных композиторов XX века. То, что вместо благодарности она получала запреты и гонения, ее несколько не останавливало.

Искусство Юдиной, по мысли А. М. Кузнецова¹¹, по абсолютной духовной наполненности можно уподобить иконописи, «умозрению в звуках» — по аналогии

с «Умозрением в красках» князя Евг. Трубецкого. И если иконописцы выражали в красках Божественную красоту, которой спасется мир, то Мария Вениаминовна находила для этого музыкальные эквиваленты.

Звучащее слово явственно слышалось в ее исполнении, которое часто называли «говорящим», сравнивая по силе выразительности с «человеческой речью»¹², «звуковой проповедью»¹³, отмечали в ее игре «соединение музыки и философии»¹⁴.

Такая переполненность, «нагруженность, как у зрелого плода»¹⁵, смыслом вызывала к жизни отнюдь не традиционные, не академические трактовки, принимаемые и одобряемые далеко не всеми. Неудивительно, что консервативная, казенная музыкальная критика, зажатая в идеологические тиски, не в состоянии была перешагнуть предписанные нормы и пыталась втиснуть индивидуальность Юдиной в прокрустово ложе общепринятых представлений. Так, один критик, усматривая в ее исполнительском творчестве борьбу двух тенденций — реалистической, то есть, по его мнению, объективной, и модернистской, иными словами субъективной, произвольной, — безапелляционно заявлял: «Отрешившись от чрезмерного “своеобразия”, профессор Юдина бесконечно выиграет!»¹⁶ Впрочем, подобные суждения можно рассматривать как курьез.

Несомненно, Юдиной было тесно в пределах одного искусства. Акцент можно сделать и на слове «одного», то есть искусства музыки, и на слове «искусство», то есть искусства вообще. Всегда хотелось чего-то большего, всеобъемлющего. Это прозорливо угадал великий друг Марии Вениаминовны, знавший ее близко с ранних лет, — М. М. Бахтин*. Он говорил, что Юдина всегда испытывала стремление «к чему-то гораздо более высокому, что не укладывалось в рамки никакой профессии, никакого профессионализма. Ни в рамки поэзии, ни в рамки музыки, ни в рамки философии. Она была больше всего этого. Она понимала, что это не все, что это не главное, что главное что-то другое»¹⁷.

На вершине всего неколебимо стояла, конечно же, вера в Бога. В Невельском дневнике читаем (предположительно эта запись относится к 1918 году): «Вера? Да. Искусство

лишь путь, лишь звено. А конечная цель внутренних путей — вера, а общая — воскресение. Взывание и искание Господа. Нахождение и постигание. Хвала и славление»¹⁸. Поразительно мудрые слова! Сложно поверить, что они написаны девятнадцатилетней девушкой, которая в течение всей своей многотрудной жизни ни разу не изменила им.

Но *вера без дел мертва* (Иак. 2, 20), и Маруся чувствовала это очень остро. Открыв для себя Бога, наполнив сердце любовью ко всему тварному миру, она больше всего жаждала общественной пользы, деяний для народа. С тринадцати-четырнадцати лет она увлекалась «хождением в народ» и потом, в течение жизни, не знала ничего более желанного, чем прийти на помощь страждущему. «*Друг друга тяготы носите, и тем исполните закон Христов* (Гал. 6, 2)», — любила повторять Мария Вениаминовна слова апостола Павла. В ее характере была жертвенность, движимая христианской любовью к человеку как созданию и подобию Божию. «Она считала, — вспоминал М. М. Бахтин, — что человек существует для того, чтобы сгореть, чтобы отдать себя, чтобы пожертвовать собой во имя счастья другого»¹⁹. Этой любовью были наполнены ее жизнь и искусство, что чрезвычайно метко много лет спустя отметил Я. И. Зак: «Человек и был темой всего ее творчества, и потому она достигла таких вершин прекрасного»²⁰.

Звуками своей музыки Мария Вениаминовна обращалась к людям, активно вторгаясь в их души. И они откликались на ее призыв. Сколько прекрасных, восторженных отзывов получала она в ответ! Вот ей пишут прихожане храма Донского монастыря: «Родная наша Мария Вениаминовна! Покорены силой Вашего духа, вложенного в музыку в Вашем исполнении. Дай Вам Господь и Матерь Божия продлить Вашу жизнь на радость, которую Вы приносите людям»²¹.

На редкость трогательна и непосредственна реакция иеродиакона Макария (из окружения Патриарха Алексия I), «который вскакивал и буквально кланялся ей в пояс: “Ваша музыка продолжает поток благодати, которую мы получаем в церкви. Как за этот дар Божий не благодарить вас?”»²²

* Михаил Михайлович Бахтин (1895—1975) — философ и мыслитель, филолог, литературовед, культуролог.

А вот слова благодарности поэта В. А. Пяста: «Катарсис дают Ваши — увы, столь скупые! — выступления. Спасибо, спасибо за них!»²³

Постоянный ее слушатель литературовед и экономист Б. Д. Удинцев благодарит «за редкие, всегда удивительные переживания бетховенских, баховских и других концертов. Каждый раз уходишь с них точно поднятым над временем, над сегодня, завтра и вчера...»²⁴.

Удивительны слова архиепископа Минского и Белорусского Антония (Мельникова; †1986), относившегося к Юдиной с глубоким почтением и вниманием. Он имел возможность слушать исполнение Марии Вениаминовны только в записи: «Я почти каждый день слушаю Моцарта и с благодарностью за духовное озарение всегда молюсь о Вас...»²⁵

Желание Марии Вениаминовны говорить с людьми никогда не угасало. Невозможно без волнения читать в одном из писем 1964 года слова, идущие из глубины исстрадавшейся души — это было время ее длительного отлучения от концертной деятельности: «...сейчас я сознаю и чувствую острейшую необходимость — творческую и нравственную — нечто сказать аудитории — светлое, прекрасное, понятное и, быть может, одновременно “загадочное”... В искусстве всегда есть это “остаточное” — нечто»²⁶. Именно в это столь тяжелое время она с грустью говорила, что чувствует себя «заживо погребенной».

И все-таки ее слово звучало! Ее интерпретации, полные гражданского и этического пафоса, становились явлением общекультурного масштаба и, несомненно, оказывали и продолжают оказывать мощное воздействие на музыкантов-профессионалов и широкие круги слушателей. Нельзя забывать, что в то «смутное время», когда Юдина концертировала особенно активно, когда одна только музыка с ее трансцендентной выразительностью и могла заменить загнанное в лагерь, задушенное Слово, именно Мария Вениаминовна, по точному суждению критика А. Ф. Хитрука, «несла с эстрады то Слово, которое в иной форме никогда не прозвучало бы в России первой половины XX века»²⁷.

В конце жизни, понимая свою «особость», Мария Вениаминовна говорила: «Я единственный музыкант, который работает с Евангелием в руках». Этим она хотела сказать, что ее глубокая («посильная», как она всегда подчеркивала) вера в сочетании с обширными знаниями и профессиональным мастерством открыла перед ней многие тайные музыкальные смыслы, ведомые далеко не всем. «Человеческое слово упирается в Слово, — писала Юдина митрополиту Филарету (Вахромееву). — А музыка окутана завесой тайны, и Слово обитает внутри ее бытия»²⁸. Во что бы то ни стало хотела она поделиться своими открытиями с возможно более широкой аудиторией, ясно понимая, что жить ей осталось недолго, а она — одна из тех немногих музыкантов, которым открывается этот мир.

В начале 1966 года, после снятия более чем трехлетней опалы, Юдина прочла четыре лекции в Московской консерватории на тему «Романтизм. Истоки и параллели», сопровождая их исполнением большого количества музыкальных произведений. Она делилась неожиданными ассоциациями, проводила смелые параллели из разных искусств, из отдаленных друг от друга эпох, наглядно показывая единство явлений культуры, их онтологическую общность. Лекции вызвали большой интерес и широкий резонанс. Но Юдина «все время стремилась к иному. И Бог помог достичь сего, — пишет она, — а именно — я прочла такой [же] доклад-концерт (и играла, конечно) в Духовной академии в Троице-Сергиевой Лавре. Это было как бы вступление о том, что можно услышать сквозь и через музыку»²⁹. Больше всего она мечтала, что «вступление» будет иметь продолжение, но такового не последовало. Этот удар переносила она очень тяжело, хотя и пыталась найти утешение в излюбленных ею философских формулах. «Удар, быть может, и есть величайший дар»³⁰, — писала она.

Мария Вениаминовна была щедро одарена многими талантами. И один из них — умение дружить, беззаветно и жертвенно, способность преклоняться, забывая себя. Она втягивала в свою орбиту колоссальное количество людей, а люди стремились к ней. Эти потоки, как правило, совпадали, случайных людей, ошибочно попавших в сферу

взаимного притяжения, вокруг нее не было. Среди ее друзей и близких знакомых было много великих мира сего. Связи с каждым из них никогда не были формальными, но — активными, обоюдно плодотворными и по-человечески необходимыми, многие длились всю жизнь. Назову лишь некоторые имена, тех, чье влияние на Марию Вениаминовну в разные годы было особенно сильным, кого она называла своими учителями. Это М. М. Бахтин, В. А. Фаворский, П. А. Флоренский, М. Ф. Гнесин, Л. В. Пумпянский, М. В. Алпатов, Б. Л. Яворский, Б. Л. Пастернак, П. П. Сувчинский, протоиереи Николай Голубцов, Всеволод Шпиллер, митрополит Сурожский Антоний (Блум) и многие, многие другие. Учиться, преклоняясь и любя, она умела, как никто другой, при этом никогда не отказываясь от своего «я», не теряя своей индивидуальности.

Думается, что запас любви, духовной и творческой энергии, данный Марии Вениаминовне, не был ею истрачен за семьдесят лет жизни. И теперь, по прошествии более чем сорока лет после смерти, сила и притягательность ее личности, воплощенной в интерпретациях, литературных работах, в обширнейшей переписке, живущей в памяти людей, ничуть не ослабели. Нерасторжимое «кольцо мировой симпатии»³¹, образовавшееся вокруг Марии Вениаминовны, продолжает неуклонно расширяться. Кажется, что она чудесным образом покровительствует возникновению все новых дружеских союзов, в том числе и международного масштаба. Известность ее растет, повсюду выпускаются ее записи, делаются радиопередачи, пишутся статьи и книги, создаются живописные полотна и фильмы. Воплощается в жизнь ее мечта — играть для всего человечества.

Уверена, что всех, кто оказывается вовлеченным в это «кольцо мировой симпатии», объединяет нечто большее, чем просто почитание Юдиной: через нее, через ее искусство каждый из нас обретает особое зрение, открывая для себя вечные ценности, приобщаясь к любви и красоте, «которой имя Бог. Бог, Которому она была так верна во всей своей жизни, во всем делании своем, во всем своем служении искусству и людям на всех путях своей жизни, — так говорил протоиерей Всеволод Шпиллер,

проводя Юдину в последний путь. — Вся жизнь покойной Марии Вениаминовны, посвященная красоте, и была таким стремлением к высшим, действенным ценностям красоты и прорывом в другой мир. Именно так она понимала искусство... как совершающее этот прорыв в другую, высшую реальность»³².

1

НАЧАЛО
ЖИЗНИ

ПРЕКРАСНАЯ, НЕПОВТОРИМАЯ ПОРА ДЕТСТВА

Чужая рубашка ближе к телу
М. В. ЮДИНА

Мария Вениаминовна Юдина родилась 9 сентября 1899 года в Невеле, в большой семье земского врача Вениамина Гавриловича Юдина, одного из самых уважаемых людей в городе. Она была четвертым ребенком Вениамина Гавриловича и Раисы Яковлевны*. Невель, небольшой уездный город, в то время граница черты оседлости. Исторически сложилось так, что там существовали три основные культурные ветви: польская, великорусская и еврейская. А по сути это интернациональный город, где к началу XX века более 70% населения были евреи, остальные же — без малого 30% — составляли белорусы, русские, цыгане, литовцы, поляки. В Невеле было пятнадцать синагог и молельных домов; римско-католический костел святого Георгия; три православных храма: кафедральный Успенский собор, церковь Троицы Живоначальной, церковь Сошествия Святого Духа в Плиссах и Спасо-Преображенский мужской монастырь. В конце жизни, с неизменной любовью вспоминая о родном городе, Юдина писала «о еврейском быте <...>, о дивном сиянии свечей в пятницу в каждом самом бедном доме, не утратившем духовной связи с сокровищницей Ветхого Завета, праотцами и пророками, о юношах в длинных лапсердаках, опускавших глаза при встрече с любой женщиной, из семей хасидов, то есть именно наиболее одухотворенной ветви израильского народа...»³³.

* Вениамин Гаврилович Юдин (1864–1943). Раиса Яковлевна Юдина (урожд. Златина; 1868–1918). Всего в семье Юдиных было пятеро детей: Флора (1891–1961), Лев (1892–1964), Анна (1896–1970), Мария, Борис (1904–1986). Во втором браке у Вениамина Гавриловича была дочка Вера (1926–2004). — *Примеч. авт.*

Портрет М. В. Юдиной.
Н. Я. Симонович-Ефимова.
1932

Об отце Марии Вениаминовны, Вениамине Гавриловиче, следует сказать особо: фигура это была значительная, незаурядная. Выходец из бедной многодетной еврейской семьи, он, несмотря на все трудности и препятствия, смог получить прекрасное образование. Его отец, Гавриил Юдин, невзирая на недовольство еврейской общины, отдал двух сыновей, Абрама и Вениамина, в русскую гимназию в Витебске. Он мечтал, чтобы они стали врачами, что впоследствии и осуществилось.

Уже с третьего класса Вениамин давал уроки детям богатых купцов, добывая таким образом средства к жизни и получая возможность посылать деньги родителям. По окончании гимназии он, как и брат, поступил в Московский университет на медицинский факультет, где ему посчастливилось учиться у таких светил, как Г. Ф. Захарьин и Н. В. Склифосовский. Подпись Склифосовского стояла на полученном Вениамином Гавриловичем аттестате. В Москве он, как и все «недостаточные студенты», тоже бегал по урокам.

После окончания университета в 1887 году Вениамин Гаврилович был направлен в г. Сурож, а оттуда в 1894 году переведен в Невель на должность городского врача³⁴. В Невеле он и прожил вплоть до начала Великой Отечественной войны, там он начал свою профессиональную деятельность, создал семью, построил дом. Его труд — и в царское время, и в советский период — получил должную оценку: к 1899 году он дослужился до чина коллежского советника, имел орден Святой Анны 3-й степени, а в советское время получил звание Героя Труда.

Человек неукротимой энергии, Вениамин Гаврилович всю жизнь посвятил беззаветному служению людям: лечил, открывал амбулатории, расширял больницы, строил артезианские колодцы для города, боролся с эпидемиями, читал лекции. Эта жажда общественной пользы, стремление воплотить в реальное «деланье» свою потребность творить добро, несомненно, перешли к его дочери Марии. На всю жизнь сохранила она и особое, трепетное отношение к профессии врача. В 1964 году, сама став пациентом

в клинике академика А. Н. Бакулева, она была потрясена беззаветным трудом медиков, полна преклонения перед мужеством и жертвенностью врачей-хирургов. Это вызвало в ее памяти картины детства и образ отца. «Я выросла в доме земского врача, — писала она в благодарственном письме академику Бакулеву, — где мои замечательные родители приучили нас, детей, к тому, что зовется служением людям. Сколь часто среди ночи поднимался весь дом, когда присылали за Покойным отцом с какого-нибудь самого отдаленного конца уезда и надлежало ехать на тощей лошаденке — если зимою, то через метель и вьюгу чрез обширнейшие пространства, где не отличишь суши от замерзшего, заснеженного озера и маячило страшное слово: прорубь... И многие мои близкие родные были и земскими, и иными врачами...»³⁵.

После выхода из клиники Мария Вениаминовна еще долгое время жила впечатлениями от общения с врачами, от погружения в мир медицины и, по собственному признанию, «чрезвычайно внутренне обогатилась — лицезрением неисчислимых человеческих страданий и подвигов советской медицины» и почувствовала необходимость даже «несколько по-новому играть»³⁶! Это еще одна блестящая иллюстрация того, как умела Юдина в самой, на первый взгляд, обычной жизненной ситуации — исполнение своего долга — увидеть нравственное ядро, возвести в степень высокого обобщения и, главное, суметь получить достаточно сильный творческий импульс. В то время она много занималась переводами специальной медицинской литературы, находя, что этот шаг в хирургическую мысль для нее чрезвычайно важен. «Хочется остаток жизни <...> работать в чистом и грозном мире спасения жизней...» — писала она³⁷.

Как вспоминает младшая сестра Марии Вениаминовны Вера Вениаминовна, которая была геологом, Маруся унаследовала и другие черты отцовского характера: «твердость, решительность, мужество, феноменальную работоспособность, оптимизм *trotz alledem** и вспыльчивость»³⁸.

Следует подчеркнуть, что все эти замечательные качества достались натуре необычайно страстной, цельной,

* Несмотря ни на что. — Нем.

